

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ
СОЦИАЛЬНО–ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ РАН

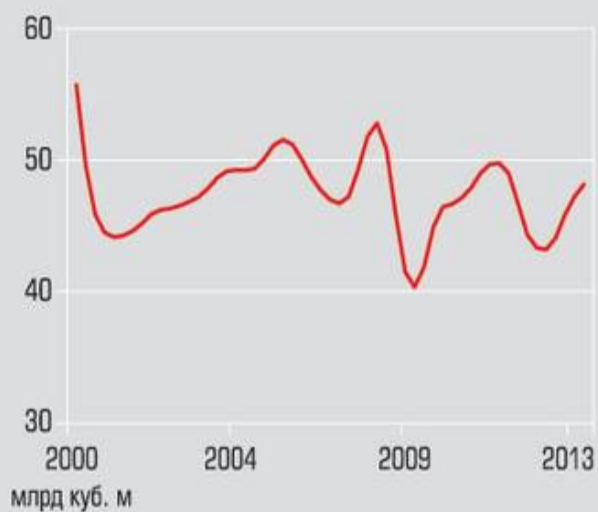
ИНФОРМАЦИОННЫЙ
Серия ВЫПУСК № 8 (1054)
«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ИСЭРТ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлена статья Т. Гуровой и С. Тихонова «Стагнация не обязательна», опубликованная в журнале «Эксперт» № 3, 2014 г.

Вологда
январь, 2014

Экспорт газа (сглаженные данные)

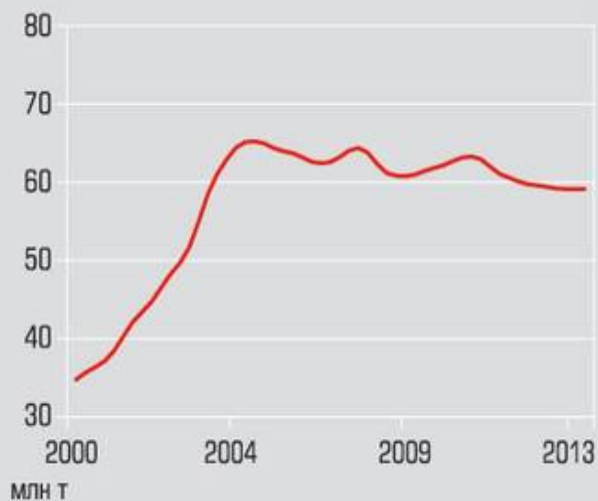
Источники: ЦБ РФ, расчеты «Эксперта»

Цена акции «Газпрома»

Источники: «Газпром», расчеты «Эксперта»

Экспорт нефти (сглаженные данные)

Источники: ЦБ РФ, расчеты «Эксперта»

Выручка типичной компании

Источники: «СПАРК-Интерфакс», расчеты «Эксперта»

Стагнация не обязательна

Распространенный прогноз о сохранении стагнации в экономике в 2014 году, а тем более на протяжении последующих нескольких лет, совершенно не очевиден. За последний год проявились явные тенденции к оживлению в целом ряде масштабных секторов хозяйства.

Хотя сегодня абсолютное большинство экономистов утверждает, что хозяйство России находится в глубокой стагнации, да и статистические данные показывают низкие темпы роста, всё же позволим себе с этим не согласиться. Следуя исключительно логике статистического анализа, мы не можем увидеть признаков оживления. Но если попробовать оценить содержательные, структурные сдвиги в экономике, их масштаб и устойчивость, то картина окажется иной.

На уровне макростатистики фазы стагнации и оживления ничем не различаются. Темпы роста низки, инвестиции невелики, доходы населения не растут. Но эти фазы принципиально различаются внутренними процессами в хозяйстве. Под стагнацией логично понимать состояние, когда почти все хозяйствующие субъекты находятся в растерянности относительно возможных перспектив развития и ни один из крупных секторов хозяйства не обещает растущего спроса. В этой фазе компании не видят возможности ни для роста, ни для прибыльной деятельности и поэтому находятся в томительном ожидании.

Фаза оживления иная по существу. У многих хозяйствующих субъектов формируются идеи относительно того, как действовать дальше, они в состоянии обеспечивать свою рентабельность за счет контроля над издержками, и в этих условиях даже легкое дуновение теплого ветра конъюнктуры переводит их в рост. Однако важнейшим моментом перехода в стадию оживления является формирование в массовом экономическом сознании представлений о том, в каких секторах экономики можно ждать растущего и масштабного спроса. Само это представление обеспечивает сначала медленный, а потом всё более ускоряющийся переток денег в перспек-

тивные сектора, и, так как в этих секторах уже есть действующие игроки, тёплый ветерок конъюнктуры быстро превращается в ураган роста. В России, как нам кажется, к 2014 году сложилась именно такая ситуация. Структурные перспективы спонтанно определены, действующие в этих секторах хозяйствующие субъекты рентабельны, а в этих условиях даже, казалось бы, главный сдерживающий фактор роста – суровый денежный климат – не сможет долго оставаться неизменным.

Расставание с сырьевой моделью

Природа любого кризиса заключается в исчерпанности той структурной модели хозяйства, которая уверенно приносила успех в прошлом. Это знают все. Но почти все забывают о второй составляющей: хозяйству требуется достаточно длительное время (как правило, несколько лет), чтобы перейти к новой модели. В этом смысле экономисты могут ликовать: «сырьевое проклятье», которое, по их мнению, тормозило развитие страны в течение долгого десятилетия 2000-х, наконец оставило Россию.

Сырьевая модель как основной структурный элемент нашего хозяйства фактически сложилась к началу 2000-х годов. Она обеспечила не только бездефицитный бюджет, экономический рост и терпимое благосостояние народа. Она определила практически все основные параметры экономической деятельности. Именно колоссальный рост цен на сырье задал горизонты доходности для любых вложений в размере свыше 25%. Всем было понятно: если у тебя нет скважины, прииска или на худой конец карьера, ты почти никто. Сырьевой сектор был основным источником доходов бюджета, но он же имел отличные налоговые льготы. В него вкладывали, не жалея

денег. Всё это было абсолютно оправданно, так как сырьевой сектор давал мощнейший импульс всей экономике и буквально кормил страну.

Период с осени 2008-го по осень 2013 года фактически ушел на то, чтобы осознать: сырьевой сектор на очень долгие годы потерял способность быть драйвером нашего роста. Самый яркий признак этого – динамика акций «Газпрома». Наше национальное достояние, когда-то (в начале 2000-х) подававшее надежду на триллионную капитализацию, ещё собирающее 20% прибыли всей промышленности страны, уже четыре года подряд теряет капитализацию и сегодня стоит всего треть от своего пика в 330 млрд долларов. Наши металлургические компании в конце прошлого года опять рефинансировали свои колоссальные кредиты. Мировая экономика, возможно, никогда больше не даст нам шанса так зарабатывать на сырье. Более того, сами сырьевые компании сегодня указывают на то, что даже при текущих ценах на нефть и вне зависимости от сланцевого газа или от иракской нефти, просто за счёт недоинвестированности новых месторождений Россия в ближайшей перспективе может столкнуться со снижением своего экспорта.

Значит ли это, что сырьевой сектор становится незначимым для нас? Безусловно, нет. Но разработка арктического шельфа – это долгосрочный инвестиционный и инновационный (технологический) проект, который даст непосредственный эффект для экономического роста за пределами текущего десятилетия. То же касается и развития Восточной Сибири и Дальнего Востока как сырьевых регионов: если делать там акцент на сырье, мощного, актуального именно сегодня эффекта не будет. А он нам так нужен.

Вскользь заметим, что за годы кризиса рассеялась еще одна иллюзия – что российскую экономику может спасти некий инновационный сектор. Естественно, он прежде всего ассоциировался с IT, ну и ещё с рядом инноваций. Никакие уговоры западных экономистов, что инновации должны быть привязаны к востребованной ныне отрасли и чем сильнее и разнообразнее экономика, тем более востребованы ин-

новации, а не наоборот, на нас не действовали. Мы свято верили в постиндустриальный уклад. Сегодня об инновациях как о стержне почти не говорят, в то же время научно-техническая деятельность становится всё более нормальной составляющей жизни крупных и средних компаний.

Российская экономика, несмотря на колоссальную роль государства в ней, по существу является рыночной. И как рыночная экономика она постоянно находится в поиске актуального спроса. К концу 2013 года в ней вполне сформировалось три масштабных сектора роста, внутри которых уже идет активная борьба за долю начинающего расти рынка, формируется свой пул ключевых игроков, который по масштабу деятельности вполне может превзойти сырьевые компании. Но главное, там есть спрос и хорошая доходность, что даст возможность этим секторам оказать благотворное влияние на всю экономику. Эти три сектора – оборонный комплекс, строительство транспортной инфраструктуры и модернизация жилищного и жилищно-коммунального хозяйства.

ВПК опять пошёл на рекорд

В этом году в армию и флот поступит самое большое за последние 22 года количество новых вооружений и военной техники. Вопреки пессимистичным прогнозам военных аналитиков отечественный ВПК успешно справляется с задачей интенсивного перевооружения российской армии и обеспечивает исполнение растущей ежегодно в полтора-два раза госпрограммы вооружений. Гособоронзаказ-2014 по сравнению с прошлым годом вырос на 28% и составил 1,87 трлн рублей, что в 17 раз превышает показатель 2003 года. Гособоронзаказ-2013 выполнен на рекордные 94%, в войска поступили 563 серийных образца новых тяжелых вооружений и военной техники, успешно прошли госиспытания 16 технических новинок. В этом году Военно-промышленная комиссия рассчитывает увеличить поставки на 40% и в итоге довести долю современных вооружений в армии до 30%.

Госпрограмма развития вооружений (ГПРВ) на 2011–2020 годы хронологически распреде-

лена неравномерно – большая часть бюджета приходится на последний этап её реализации, связанный с серийным производством той техники, которую разработали и испытали в течение первого («научного») этапа и для изготовления которой восстановили и модернизировали соответствующие промышленные предприятия. 2014 год в документе как раз и обозначен как начало этого второго – «индустриального» – периода, поэтому объем гособоронзаказа ожидаемо стал самым большим за всю постсоветскую историю России – около 2,8% ВВП. Хотя, судя по детализации годовых планов, это разделение весьма условно: доля НИОКР в структуре бюджета будет сокращаться незначительно – с 56% в 2011-м до 41% в 2018 году, а количество новых образцов вооружений всё равно будет расти вплоть до конца всего расчётного периода программы.

В гособоронзаказе-2014, как и во всей десятилетней ГПРВ, самую значительную статью расходов составляет ракетная техника для ракетных войск стратегического назначения и воздушно-космической обороны – ставка на неё сделана в соответствии с Военной доктриной, предполагающей не наступательный, а оборонительный характер задач Вооруженных сил. Затем следуют ВМФ и ВВС. Продолжится и технологическая модернизация предприятий оборонно-промышленного комплекса: замена оборудования произойдет на 33 заводах и НИИ (в прошлом году – на 24), в эксплуатацию будут введены шесть новых производственных площадок (в 2013 году – четыре).

Военно-промышленный комплекс России в этом году должен разработать, произвести и поставить в Вооруженные силы продукции на рекордные в новейшей истории 60 млрд долларов, впервые за постсоветский период обогнав традиционного лидера США и заняв по этому показателю первое место в мире (бюджет Пентагона на закупку вооружений и техники, наоборот, сократился и составил 57 млрд). Кроме того, наши предприятия должны по экспортным контрактам поставить на мировой рынок вооружения на 18 млрд долларов (здесь мы пока уступаем американцам – в этом году на 26%, Россия на втором месте в мире). При этом

доля техники нового (так называемого пятого) технологического порядка, по данным Минобороны, составит 38,5% – на 12% больше прошлогоднего показателя. С учетом почти стопроцентного выполнения гособоронзаказа-2013 нет оснований полагать, что с новым заказом промышленность не справится.

Уже можно констатировать, что правительству удалось в условиях разрушенных кооперационных связей и системы технического образования, а также имея хроническое отставание от Запада в целом ряде ключевых отраслей (например, в микроэлектронике), восстановить военно-промышленный комплекс и довести его до советского уровня системного развития. Остается теперь отслеживать, насколько эффективна будет в перспективе ставка на ВПК как инструмент общей технологической модернизации российской промышленности. Пока громких конверсионных проектов, кроме лайнера Sukhoi SuperJet 100, мы не видим. Однако видим другое. Мы провели анализ 130 тыс. компаний, существовавших в России с 1999 по 2012 год, и обнаружили, что в кризисные годы на фоне общей стагнации бизнеса выделялась группа компаний, которая показывала и растущую выручку, и растущие основные фонды. В этой группе было много компаний, связанных с обслуживанием оборонного сектора.

Транспортная инфраструктура

Неразвитость транспортной инфраструктуры России сегодня является одним из самых явных ограничительных факторов её развития и с точки зрения чистой экономики, и с точки зрения уровня жизни в стране. Из-за плохого качества, низкой пропускной способности дорог и просто их нехватки доля транспортных издержек в России слишком высока. Если у нас в стране она составляет 11,5%, то в США – 7%. Что касается качества жизни, то, например, до сих пор 10% населения нашей страны весной и осенью оказываются полностью изолированными от транспортных коммуникаций. Да и для всего остального населения задача перемещения в пространстве, несмотря на рост автомобилизации, сопряжена как с колоссальными временными и денежными издержками, так и с

повышенным риском для жизни. Немудрено, что этот сектор постепенно становится зоной экономического развития. Помимо широко обсуждаемых проектов высокоскоростных магистралей и достройки Транссиба, активность последовательно нарастает и в строительстве сети автомобильных дорог, и в развитии системы аэропортов.

Объём средств, вкладываемых в автодорожную сеть, начал расти с 2010 года в связи с восстановлением дорожных фондов. Так, например, государственная поддержка, направленная субъектам Федерации на автодорожные сети, в 2011 году составила 113 млрд рублей. Региональные дорожные фонды начали работать в 2012 году, и размер финансирования отрасли составил около 390 млрд рублей, в 2013-м – уже 470 млрд рублей, в 2014 году в региональных фондах субъектов РФ ожидают поступления 531 млрд рублей. Выросшее финансирование позволило существенно увеличить объемы дорожных работ: в региональной сети они выросли за эти годы более чем на 30%, а в ряде субъектов федерации – в два-три раза.

В порядке убывания размера инвестиций, направленных на развитие автосетей, следуют Москва, Северный Кавказ, Дальний Восток и Калининград.

Росавтодор, который отвечает за автомобильные дороги, перешел от дефицитного бюджета к бездефицитному: если в 2011 году ведомство получило всего 45% от необходимого объема финансирования, то в 2013-м – уже 82%, а в 2014-м получит 100% необходимого финансирования. Привести всю автодорожную сеть страны в нормативное состояние планируется к 2018 году.

Жители даже относительно густонаселенной европейской части России, согласно опросам, очень хотели бы иметь возможность не переезжать, а перелетать из города в город даже на небольшие расстояния. Естественно, это еще более значимо для восточной части страны. Между тем, начиная с 90-х годов, количество аэропортов в России сократилось более чем в четыре раза – с 1300 до 300. Сейчас этот процесс остановлен и начинается медленное восстановление

аэродромной сети. Это касается как крупных аэропортов, так и мелких региональных.

Эффективным катализатором строительства новых аэропортов являются массовые мероприятия. К саммиту АТЭС в 2012 году во Владивостоке появился новый международный терминал. Аэропортовый комплекс Казани полностью реструктурирован к Универсиаде-2013. К чемпионату мира по футболу в 2018 году планируется построить новый аэропорт в Ростове-на-Дону. К 2016 году предполагается обновить инфраструктуру аэропорта в Красноярске. К Олимпиаде полностью реструктурирован аэропорт в Сочи.

Идёт строительство новых аэропортов и реконструкция старых и в более «региональных» точках. Открыт ранее бездействовавший аэропорт в Горно-Алтайске. Сейчас он может принимать не только малую авиацию, но и среднемагистральные самолеты. О начале строительства нового аэропорта было объявлено в Саратове. Проектируются аэропорты в Омске и Иркутске. В 2012 году построены аэродромы на полуострове Ямал и в Талакане (Якутия). Ведется строительство аэропорта на курильском острове Итуруп в Сахалинской области. Количество и частота проектов указывают на то, что сформировался тренд, который явно будет продолжен.

Жилье и ЖКХ

Инвестиции в модернизацию ЖКХ получили невероятно сильный импульс в прошлом году благодаря решению о замораживании тарифов. Что в свою очередь стало результатом исключительно высоких в процентном отношении расходов как населения, так и промышленности на услуги естественных монополий. И хотя монополии немедленно стали лоббировать разморозивание тарифов, пугая сокращением инвестпрограмм, это решение открывает дорогу для других игроков рынка поучаствовать в модернизации системы ЖКХ.

В отличие от оборонного комплекса и транспортной инфраструктуры модернизация ЖКХ имеет прямо оцениваемое снижение затрат на поддержку функционирования системы. А там уже крутятся большие деньги: примерно

4 трлн рублей в год тратят жители страны на ЖКХ. При этом современные технологии позволяют достигать 10–30-процентной экономии ресурсов, что делает проекты по модернизации системы прямо окупаемыми со сроками в семьдесят лет. Таким образом, мы имеем рынок с доходностью 10–12% размером в 4 трлн рублей, или 120 млрд долларов, что в стоимостном выражении более чем в два раза больше автомобильного рынка и всего в два раза меньше пресловутого экспорта нефти. Такой объём рынка с хорошей доходностью, а также очевидность того, что власти будут настаивать на реформе данного сектора, уже привлекли к нему внимание серьезных игроков. В прошлом году начался интенсивный процесс вхождения крупных компаний в структуры управления ЖКХ с возможностью их последующей консолидации. Очевидную заинтересованность участия в модернизации ЖКХ проявили и мировые гранды энергосберегающих технологий, готовые к инвестициям на территории России.

Что касается рынка жилья, то и здесь накопилась критическая масса решений. Первое из них – требование президента страны решить проблему аварийного жилья. На неё может ответить десяток строительных компаний, давно продвигающих на рынок свои технологии дешевого строительства, в расчёте на получение в дальнейшем контрактов на строительство недорогого коммерческого жилья. Не исключено, что этот процесс подтолкнёт программу развития арендного жилья. Во многих российских городах существует огромный дефицит жилья, который приводит к тому, что стоимость аренды порой достигает 80% зарплаты представителя среднего класса. Ипотечный вариант решения этой проблемы загоняет семьи в долгосрочную кабалу. Облегчить ситуацию могло бы масштабное строительство арендного жилья по заказам муниципалитетов, которое сдавалось бы в наем по ставкам ниже рыночных. Сегодня готовых программ такого рода нет, однако видно, что президент не собирается «отпускать» жилищную проблему, и решения должны появиться.

Нам даже трудно оценить мультипликативный эффект таких решений для экономики в

целом. Совокупные расходы частных домохозяйств на жильё и ЖКХ в России составляют в среднем четверть семейного бюджета, а зачастую, при рыночном найме жилья в городах-миллионниках, превышают 50%. Высвобождение значительной части этих денег даст колоссальный импульс потребительскому рынку без всякого рискованного потребительского кредитования, что, в свою очередь, даст толчок развитию всего спектра потребительской индустрии. Что же касается эффекта для непотребительской промышленности, то модернизация ЖКХ и строительство нового жилья в новых условиях придадут колоссальный импульс и отраслям производства новых материалов, и энергосберегающему машиностроению. Эффекты такого масштаба почти наверняка превзойдут эффекты, достигнутые при эксплуатации сырьевой модели экономики. Собственно, западное общество процветания было построено благодаря сходным проектам: густая транспортная сеть, жильё для всех. Наше очевидное преимущество – момент, когда это происходит. Сегодня мы можем использовать лучшие технологии с потенциалом последующего выхода с ними на международные рынки.

Откуда возьмутся деньги

Вечный вопрос наших экономистов: где взять на это деньги? Эмиссию проводить опасно, так как будет бегство капиталов или инфляция. Резервный фонд во всех его ипостасях тратить нельзя, поскольку нам надо как-то пережить десять лет, которые продлится ожидаемая ими рецессия. Обычный рецепт экономистов – институциональные реформы, которые мы, по их мнению, всегда проводим чересчур медленно. Как эти реформы повлияют на количество денег? Чаще всего имеется в виду приток западных инвестиций в уже безопасную Россию. Каким экономическим, а не институциональным стимулом будут питаться интересы этих мистических западных инвесторов, в данном случае не объясняется.

Нам кажется, что интуитивно **Владимир Путин** видит выход из этого тупика в деофшоризации. Экономический эффект от этого процесса обычно связывают с дополни-

тельными налоговыми поступлениями. Однако представляется, что здесь большой эффект будет достигнут в процессе прямого возврата капиталов на родину и, соответственно, прямого пополнения ликвидности пригодными для инвестиций деньгами. Напомним, что подъем 2003 года сопровождался для России эффективным переходом от отрицательного сальдо по капиталу к положительному. Тогда тоже речь шла о возврате капиталов на родину, и этот возврат стал стимулом или симптомом ускорения инвестиционного процесса. В случае деофшоризации мы можем получить такой же по сути и даже больший по масштабу эффект.

По оценкам специалистов, из страны только в результате сомнительных операций утекает 30–40 млрд долларов в год. Если предположить, что утечка прекратится и к этим объемам прибавится возвращение пятилетних «траншей», то в сумме получится около 200 млрд долларов. Размеры ежегодных инвестиций в России составляют примерно 20% от ВВП в 2 трлн долларов. Таким образом, мы можем рассчитывать на приток половины суммы ежегодных инвестиций – импульс, невероятный по масштабу! Здесь важен и политэкономический эффект. Эмиссионные деньги для тех, кто получил к ним доступ, легкие, незаработанные. Они могут полежать на офшорных счетах с низкой доходностью, они могут быть инвестированы в недвижимость вообще с падающей доходностью. Деньги, формируемые из текущего операционного потока компаний, имеют другое качество: их скорее будут пытаться инвестировать в основной капитал с качественной доходностью.

Этот ход, если он произойдет, может принципиально изменить картину нашего денежного рынка, обеспечив столь желаемое снижение стоимости денег без особого насилия над кредитно-денежной системой.

Риски и утопии

Из этих четырех проектов три рыночных – транспортная инфраструктура, жильё плюс ЖКХ и деофшоризация – как и любые проекты с масштабным потенциалом инвестиций, имеют склонность к тому, чтобы в ходе их реализации

сформировался новый, весьма ограниченный пул бенефициаров, чьи размеры будут в конечном итоге не меньше размеров сырьевых компаний. А может быть, это будет и не новый пул: уже сейчас виден интерес к подобным проектам у имеющегося «крупняка». Он тем более усилится, если именно этот «крупняк» вернет свои деньги на родину. Можно представить себе, в какой круг банков пойдут эти средства, и система окажется почти столь же сконцентрированной, как и при сырьевой экономике. Ничего ужасного в этом нет. Вполне возможно, что трём-четырёх новым игрокам удастся влиться в процесс, чуть-чуть размыв сложившийся элитный пул. Однако есть риск, что у этого пула не хватит управленческих ресурсов на всю страну. Ведь не хватило же их для того, чтобы предложить более мягкую схему прохождения нынешнего кризиса.

Кроме того, такая концентрация денежных ресурсов может привести к дальнейшей концентрации банковской и вообще финансовой системы, ещё больше уменьшив её гибкость. Идеиные предпосылки к такому ходу дел есть. Обжегшись на неолиберализме, и власть, и крупные капиталисты могут склониться к неодирижизму (впрочем, даже либеральные экономисты, ужаснувшись пятилетнему застою, готовы принять дирижизм). Наша же утопия состоит в том, что новый, инвестиционный этап развития экономики России может быть использован в том числе и для создания менее централизованной финансовой и промышленной системы. Для этого, в частности, необходимо разработать и реализовать план развития облигационного рынка, в рамках которого облегчённый и рыночный доступ к финансовым ресурсам смогут получить и региональные администрации, и средние, в том числе региональные, банки, и средние компании. Тогда через десять лет мы наверняка увидим иную по составу и мощности экономику.

Татьяна Гурова

Сергей Тихонов

В подготовке материала принимала участие Надежда Мережко